

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОПОВЕДИ

В настоящее время русский язык подвержен глубоким внутренним изменениям, происходящим на разных уровнях и с разной интенсивностью. Интерес лингвистов привлекает особая сфера функционирования современного русского языка – жанр проповеди. Актуальность исследования в данной области обусловлена как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими факторами. К экстралингвистическим относится изменение в обществе отношения к религии, верующим людям, церкви и, как следствие, изменение конфессиональной лексики, особенно в период "перестройки и гласности", что было связано с "обращением к духовности, в том числе к религии, к церковным обрядам" [6, с. 107].

Лингвистическим обоснованием актуальности исследования является необходимость систематического описания данной сферы функционирования языка, поскольку количество филологических работ в данной области крайне ограничено, а церковная литература, представленная множеством текстов, на сегодняшний день практически не изучена.

Ученые рассматривают проповедь как "дидактическое произведение ораторского типа, содержащее этические требования (обычно с религиозной окраской) и понуждающее слушателей к эмоциональному восприятию этих требований" [1, с. 98–99]. Г.Н. Скляревская определяет проповедь как "распространение какого-либо учения или как речь священнослужителя, обращенную к прихожанам, обычно произносимую в храме и содержащую наставления и рекомендации верующим" [7, с. 279].

Н.Б. Мечковская считает, что "в религии проповедь так же органична, как молитва", и относит её к фундаментальным жанрам речевой коммуникации; целью проповеди является донесение смысла слова Бога до сознания людей [5, с. 205].

Предполагается, что изначально проповедь была вызвана к жизни великими духовными движениями IX–V вв. до н. э., прошедшими через культуры Европы и Азии, "когда автоматизм родового сознания впервые ослабился настолько, что создал возможность для теоретического осмысления жизненной позиции человека" [1, с. 98–99]. Некоторые элементы проповеди, как считает Н.Б. Мечковская, например, истолкование какого-либо первичного сообщения, могли быть представлены уже в Писании [5, с. 205].

Главной задачей каждой из проповедей является раскрытие символического, таинственного, духовного смысла воспоминаемых евангельских событий. Чтобы обратить внимание слушателей к проповеди и сильнее

воздействовать на их религиозно-нравственное сознание, проповедник широко пользуется картинной образной речью. Таким образом, особое место в проповеди занимает лексическое и стилистическое оформление речи как оболочки, позволяющей выразить главную мысль священного текста.

Следует отметить, что тематику проповеди определяют и задают современность и злободневность времени, господствующие предпочтения, ценности и идеалы.

Стилистическая оформленность зависит от целевой аудитории, к которой обращается проповедник, от тенденций и преобразований в литературном языке.

Особенно важен подбор лексики: возможность использования терминологии, отвлеченной или предметной лексики (*обряды церковные, закон, праздник Светлого Воскресения*). Тематика и содержание, возможность метафоричности и многозначности языка проповедника взаимосвязаны. Как правило, проповеди направлены на обличение человеческих пороков и греховности, отсюда и специфика используемой лексики (*чревообъядение, любодейание, сребролюбие, любление денег, жестокосердие*). Контрастность в текстах достигается посредством обличения пороков и восхваления положительных черт, для этого проповедники используют конструкции, построенные на антитезе, использовании антонимов (*когда одною рукою бросаю, а другою граблю, копейки даю, а тысячи беру, безвинных хлеба лишаю, а ласкателей моих награждаю...*).

Для текстов проповедей важна цельность – это присутствие цели как центра, все себе подчиняющего; от цели зависит выбор стилистических средств (лексика – старая или новая – славянизмы-русизмы, высокая-низкая, синтаксис, членение текста). Так, в каждой проповеди наряду с церковнославянизмами (*церковь, Евангелие, Богъ*) и старославянизмами (*глаголетъ, языце, глава*) использована общеупотребительная лексика (*хлеб, путь, размышления, листья*).

Иногда проповедники используют в своей речи штампы, которыми являются безличные синтаксические конструкции, наукообразие, излишнее богословствование, неоправданное употребление отглагольных существительных (*памятозлюбие, оклеветание, мечтание*). Штампы ведут речь к обезличиванию и статике, отсутствию действия.

Особенно важен выбор источников: мера в цитировании, компиляциях, перефразировании. В целом проповеди не просто компиляции из чужих образов и цитат – это свободная переработка традиционного материала, в результате которого являются новые, своеобразные, совершенные по форме произведения, приспособленные духовным потребностям своего времени и нравственному уровню паствы. В текстах проповедей Г. Конисского ярко

выражено обращение к Евангелию (*Матфей говоритъ: множайшии народи постилаху ризы своя на пути...*), часто цитируются Библейские апостолы и пророки. Обращаются (правда, гораздо реже) к евангельским мотивам и И. Брянчанинов, и о. Иоанн Кронштадский. Своеобразие проповедей Святейшего Патриарха Кирилла заключается в использовании библейских мотивов и образов священного Евангелия по средствам собственного толкования и пересказывания (*Евангелие от Матфея, в котором излагается хорошо всем нам известная притча о виноградарях...*).

Мера и целесообразность в употреблении выразительных средств, которые не должны быть никогда чем-то внешним по отношению к высказываемой мысли, а ее адекватным выражением. Однако следует отметить нередкую чрезмерность употребления выразительных средств (*любление подарков, благодарение, хлва*).

Мера в пафосе, употреблении экспрессивных средств (лексика, восклицательные, вопросительные, неполные предложения). Сближение проповедника и целевой аудитории достигается их отождествлением: употребление местоимений первого лица множественного числа, притяжательных местоимений (*всем нам, мы постились, дела наши*), а также использование некоторых обращений (*Братия!*).

Особо важен один из двух основных приемов построения проповедей: монологичность – диалогизация. Средства диалогизации речи – вопросно-ответные единства, восклицания, др. (<...> *пророк! Но кто сие говоритъ?*). Высокий нравственный пафос, торжественность, проповедническая убедительность достигаются в плане формы построением фраз в виде вопросов, что придает проповеди особую ритмичность.

Профессор Н.И. Барсов характеризует язык проповедей как "благородный", "образный", "живописный", обладающий "высшей простотой и общепринятостью", в котором отсутствует всякий внешний ученый аппарат, свойственный красноречию. Образность – символичность – аллегоризм используются в каждой проповеди, ведь данные приемы обязательны в риторических текстах (*дрожа и самъ, какъ лист*). Употребляются также фразеологические обороты (*и бисеръ сей повергаетъ предъ свиньями*) [3, с. 69].

Важно соблюдение границы иронии – допустимость и недопустимость иронии, шутки.

Всеми проповедниками используется риторический прием, именуемый "амплификацией". Этот прием заключается в том, что тема непрестанно словесно варьируется, распространяется включением все новых цитат, привлекаются все новые ее обоснования, – до тех пор, пока содержание темы не будет полностью исчерпано; она разворачивается во всех смысловых и эмоциональных оттенках – необычно картинно, с использованием точной детали, в многозначности слова.

Отметим наличие проблемы личности и безличности, которая важна для каждого автора. Любая проповедь – индивидуальный, неповторимый текст.

Так, у Г. Конисского – высокий витиеватый и замысловатый стиль; наполненность текста старославянизмами (*на языке, главы, разуместь*), устаревшими словами (*ясти, яде, егоже*), деепричастиями и деепричастными оборотами (*исповедующаго, входившаго во Иерусалим*); персонификация союзов (*Которого = Господа*); сравнения (*какъ листь*); обращения (*Христиане!*). Характерной чертой проповеди Конисского является также популярность речи. Проповедник избегает книжных, замысловатых выражений и, наоборот, употребляет знакомые слушателям образные сравнения, примеры, аналогии. Так, говоря о райском блаженстве душ, проповедник обращается к слушателям с вопросом: *"Приятна ли слуху вашему при пированяхъ громкая и весёлая музыка? Неужели же не сильна растрогать нас <...> чудная мусикия горнихъ обителей?..."* [2, с. 438]. Г. Конисский часто прибегает к перефразированию непонятных слов и выражений священного текста, к замене их другими, сходными по смыслу и более употребительными в местном разговорном обиходе. Так, одежда одного из апостолов "превращается" в *"епанчу"* или *"кафтан"*, *"князи иудейскии"* – в *"боляр"*, *"миас, или иначе – мина"* – это, по замечанию проповедника, *"была у евреев монета золотая и серебряная. В притче христовой означает она... дарования Божию..."* [2, с. 440]. В 18 в. характер проповеди был схоластический, т.е. подчинявший содержание форме, заключавший все содержание в известные рамки определений, разделений, различий, доказательств. Церковной проповеди придавалась форма ораторской речи со всеми ее частями: введение, разделение, изложение, патетическая часть и заключение. Характерно использование готового формального материала – украшение текста мифологическими терминами, заимствованными из античных представлений; изречения древних мудрецов, исторические примеры, символические описания, надписи и др.

Для проповедей святителя Иосифа Брянчанинова характерен средний слог (лицо), который с одной стороны ограничен обиходно-разговорной лексикой и оборотами речи, а с другой – высокой лексикой; описание пороков и грехов (*печаль, уныние, гнев*); яркость, насыщенность красок, образность (*возмущение сердца яростью, колкия слова*); использование отлагательных существительных (*призвождение, искание*). В 19 в. стиль проповедей достаточно прост, чужд вычурности. Конструкции речи естественные и понятные. Мысль каждого поучения высказывается определенно, нет ни бесцельных отступлений в сторону, ни искусственных приложений.

Проповедник Иоанн Кронштадтский представляет предмет как безусловно важный, но соответствующий обычному, нормальному образу действий и помыслов христианина, использует разговорно-бытовые слова (*плотские, греховные дела, мерзкие*), которые употребляются наряду с высокой церковнославянской лексикой (*заповеди, благодать Святого Духа, величайший праздник*).

Язык проповеди Патриарха Кирилла принадлежит высокому слогу (лику) и применяется в торжественной официальной речи о предметах возвышенных; здесь используются аллегории и приемы их истолкования, применяются риторические фигуры (*открыть сердце навстречу Богу, каждодневные грехи, наступить на горло собственной песне*).

Догматическое учение остается неизменным, но вот проповедь со временем менялась. Менялся языковой инструментарий, менялась лексика языка, менялись форма и содержание проповеди. Православие приспосабливалось к современнику, пользуясь его языком и понятиями. Для каждого проповедника характерно раскрытие проблем злободневных, волнующих аудиторию. Достижение данной цели зависит от стилистического и лексического оформления текста проповеди.

Таким образом, исследуемый жанр – один из основных жанров церковно-религиозного стиля. Язык проповедей является составной частью лексической системы русского литературного языка. При изучении исследуемых текстов разных веков можно выделить общие и частные, характерные для всех проповедей черты и индивидуально-авторские – для каждого текста в отдельности.

Литература:

1. *Аверинцев, С.С.* Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство: зарубежные связи / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1975. – 397 с.
2. *Буглаков, М.* Преподобный Георгий Конисский, архиепископ Могилевский / М. Буглаков. – Минск: Виноград, 2000. – 655 с.
3. *Барсов, Н.И.* История первобытной христианской проповеди / Н.И. Барсов. – СПб., 1885. – 69 с.
4. *Волков, А.А.* Курс русской риторики / А.А. Волков. – М., 1996. – С. 29–30.
5. *Мечковская, Н.Б.* Язык и религия: лекции по филологии и истории религий: учебное пособие для вузов / Н.Б. Мечковская. – Минск. – Гранд, 1998. – 350 с.
6. *Русский язык и культура речи* / Под ред. проф. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2000. – 413 с.
7. *Толковый словарь современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия* / под ред. Г.Н. Скляревской: М.: АСТ, Астрель, 2001.